

Гутарева Надежда Юрьевна

СИМУЛЯКРЫ КАК ОСНОВОПОЛАГАЮЩИЙ ФАКТОР ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ИНТЕРАКТАНТОВ В ДИСКУРСЕ ЛЕСТИ

Статья раскрывает содержание понятия "симулякр" и его соотнесенность с дискурсом лести в процессе интеракции. Основное внимание в работе автор акцентирует на том, что языковые сообщения могут рассматриваться диаметрально противоположно с точки зрения смысла и логики, в зависимости от прошлого опыта субъекта взаимодействия и других индивидуальных особенностей восприятия и отражения информации.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2013/2/13.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 2 (20). С. 59-61. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2013/2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

Список литературы

1. **Азбелев А. Н.** Проблемы международной систематизации преданий и легенд // Русский фольклор. М. - Л., 1966. Вып. 10. С. 176-195.
2. **Иванова Э. Ю.** Марийские устные рассказы: типология и поэтика: дисс. ... канд. филол. наук. Йошкар-Ола, 2005. 196 с.
3. **Карпов И. П.** Словарь авторологических терминов. Йошкар-Ола: Марийский государственный педагогический институт; Лаборатория аналитической филологии, 2004. 170 с.

GENRE FEATURES OF ORAL TALES ABOUT MERCHANTS

Svetlana Ivanovna Grakhova, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Department of Russian and Foreign Literature
Elabuga Institute of Kazan' (Volga Region) Federal University
SG2223@yandex.ru

The author considers modern oral tales about merchants, prevailing in Elabuga region of the Republic of Tatarstan, reveals their genre specificity, presents the thematic classification, determines style features, tells that these tales are significant due to considerable potential in the historical reconstruction of persons and events of this region, and also mentions that they reflect the general tendencies of national literature – that is to go from one-sided view of the past, to perceive and evaluate everything from the perspective of truth, goodness and beauty.

Key words and phrases: folklore genre; oral tales; classification; typology; situation of act; composition of oral tale.

УДК 800/81

Филологические науки

Статья раскрывает содержание понятия «симулякр» и его соотносительность с дискурсом лесты в процессе интеракции. Основное внимание в работе автор акцентирует на том, что языковые сообщения могут рассматриваться диаметрально противоположно с точки зрения смысла и логики, в зависимости от прошлого опыта субъекта взаимодействия и других индивидуальных особенностей восприятия и отражения информации.

Ключевые слова и фразы: растяжение смысла; коммуникативно-социальное значимое пространство; инициатор лесты; адресант; консумеристское общество.

Надежда Юрьевна Гутарева, к. пед. н.

Кафедра иностранных языков в области природных ресурсов
Национальный исследовательский Томский политехнический университет
gutarevanadehzda@mail.ru

**СИМУЛЯКРЫ КАК ОСНОВОПОЛАГАЮЩИЙ ФАКТОР ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
ИНТЕРАКТАНТОВ В ДИСКУРСЕ ЛЕСТИ©**

Ключевое понятие в учении постмодернизма позволяет рассматривать симулякр как один из основополагающих факторов интеракции в современном коммуникативном сообществе.

Растяжение смысла предмета-знака является базисом интерпретационной составляющей языка как субъекта исследования, рассматриваемого вне его субстанциональных свойств.

Мы предлагаем проанализировать данный феномен коммуникативного взаимодействия на примере использования нарративных конструктов в дискурсе лесты. Проведенные нами исследования позволяют говорить о влиянии симулякров на интерпретационный процесс, происходящий в сознании реципиента. Возьмем, к примеру, нарративный конструкт условно закрытого вербального типа.

«Он подсел к ней и сказал, сладко улыбаясь:

— Малороссийский язык своей нежностью и приятною звучностью напоминает древнегреческий.

Это польстило ей, и она стала рассказывать ему с чувством и убедительно, что в Гадячском уезде у нее есть хутор, а на хуторе живет мамочка, и там такие груши, такие дыни, такие кабаки!» [1, с. 64] (Пример 1). Любая попытка накопления какой-либо информации заранее побеждена пустотой восприятия и отождествления данного накопления с собственным опытом субъекта. Соответственно, мы можем говорить здесь о феномене восприятия сознанием некоего фантома, который не может быть заключен в четко определенные рамки денотата и сигнификата. Например: мало, кто точно знает, что представляют собой малороссийский или древнегреческий язык, то есть — что же это на самом деле, а главное — как их звучание отражается в сознание субъекта лесты? Следовательно, только наличие пресуппозиционных знаний об объекте

лести позволяет манипулятору вызвать эмпатию к себе и впоследствии убедить адресанта в самостоятельности принятия решения выгодного для инициатора лести.

Одним из интерпретационных вариантов данных языковых средств (*нежность, приятная звучность*), которые применялись адресантом, можно считать внедрение в сознание реципиента, вызывая у него положительные эмоции, воздействуя на его сознание и чувства. В качестве второго варианта интерпретации можно рассматривать такое понятие, как «нечто, не имеющее собственной основы» и являющееся синонимом понятию «собственное мнение», то есть искусственно внедряемый модный термин и ничего более, то, что нельзя проверить, доказать и, следовательно, от чего можно легко отказаться и изменить. Рассматриваемое льстивое обращение указывает на тот факт, что представленные в нем языковые сообщения могут рассматриваться диаметрально противоположно с точки зрения смысла и логики, то есть как то, что уже само по себе является сенсационным, уникальным и по отношению к ранее изученному может стать сенсацией. Следовательно, мы не можем стопроцентно утверждать, что данная информация будет являть собой некий новый опыт для субъекта относительно его прошлого опыта, его нарративных практик.

Итак, именно эта невозможность накопления влечет за собой равную невозможность подавления. «Ибо подавление — это только обратная фигура накопления по другую сторону барьера» [2, с. 69].

Соответственно, следуя точке зрения коммуникатора, мы можем утверждать, что коммуникатором был проведен процесс воздействия на сознание коммуниканта с позиции удовлетворения реципиентом собственного статуса в коммуникативно-социальном значимом пространстве.

С другой стороны, реципиент имеет право интерпретировать полученное сообщение, основываясь на практиках собственного нарративного опыта, который может изначально иметь противоположные поведенческие характеристики опыту коммуникатора, как и утверждалось ранее.

Следует отметить тот факт, что мы специально не указали тот тип языка, который заявлен при выборе данных в обращении лингвистических средств, так как предлагаем читателю самому сделать выбор и обратиться к собственному сознанию: «Что хотел передать коммуникатор в данном льстивом обращении?». В льстивом обращении были представлены малоизвестные языки, которые в большинстве нарративных практик реципиента будут иметь противоположные предложенным ассоциативные вербально выраженные черты.

Рассмотрим следующий пример нарративного конструкта данного типа: «*Оказалась, что ты все врала, льстила мне, чтобы выманить больше денег, а вещи, мол, у меня сохранятся и можно их в любое время у меня забрать ...*» [1, с. 660] (Пример 2). Итак, коммуникатор представляет новую Я-реальность субъекту эмоционально и психологического воздействия, имея своей целью: 1) предоставление информации; 2) раскрытие перед реципиентом своего отношения и понимания истинного состояния дел. Мы предлагаем рассматривать коммуникатора и коммуниканта как двух равнозначных интерактантов процесса коммуникативной интеракции, следовательно, интерактанта № 1 и интерактанта № 2. Оба этих шага послужат, в ходе прохождения интерпретационного процесса адресатом, следующим необходимым для коммуникативно-социального взаимодействия факторам: 1) удовлетворение некой, необходимой интерактанту № 2 психологической модальности. Достижение психологического равновесия, в свою очередь, будет отвечать его потенциальной необходимости повышения и/или подтверждения им собственного социального статуса, без которого невозможно его существование в данном социальном сообществе. Соответственно, необходимый уровень социального статуса может быть достигнут при вхождении субъекта в предлагаемый социальный институт при помощи понимания своей социальной роли и статуса в коммуникации. 2) Предоставление информации указывает на тот факт, что, в зависимости от изменений условий Я-реальности интерактанта № 2, произойдет процесс циклического восприятия сообщения, что, в свою очередь, может отвечать необходимости удовлетворения интерактантом № 2 цели, поставленной интерактантом № 1. 3) Достижение интерактантом № 1 поставленной в обращении цели будет отвечать непосредственному удовлетворению прагматической составляющей данного типа интеракции — устранению манипулятивной политики интерактантом № 1 по отношению к интерактанту № 2. Использование им данных средств будет преследовать те же самые цели, которые являются значимыми для интерактанта № 2 в случае успешного завершения коммуникативно-социального взаимодействия.

Следует отметить тот факт, что термин симулякр был введен в понятийный аппарат современной науки Ж. Бодрийяром, который утверждал, что: «...симулякр — это фантом сознания, кажимость, то, что воспроизводит образ объекта вне его субстанциональных свойств» [3, с. 41].

Основываясь на исследованиях Ж. Бодрийера, можно утверждать, что симулякр — это нечто, что не имеет оригинала, репрезентация реальности, которой на самом деле не существует. Современное консумеристское общество породило целый институт симулякров, основанный на нарративных практиках восприятия субъектом окружающей его действительности посредством приобщения реципиента в систему массовых коммуникаций и воздействия данной системы на сознание субъекта общества.

Парадокс здесь состоит в том, что субъект сам порождает все новые и новые симулякры, используя различные графически зафиксированные вербально/невербально оформленные обращения. При этом происходит процесс отрицания тем же самым субъектом данных практик существования в социальном мире и трансформации этого мира путем изменения Я-реальности, как внутри определенного социального сообщества, так и касательно нарративного опыта субъекта коммуникативно-социальной интеракции.

Идентификация смыслов невозможна, возможно, только сопоставление сходных явлений нарративного опыта в сознании субъектов и схожесть стереотипов речевого поведения и стереотипных поведенческих практик, принятых в данном социально-коммуникативном сообществе.

Только в этом случае может произойти интеракция между коммуникатором и коммуникантом, так как абсолютно идентичных понятий *a priori* существовать не может в силу прохождения любого вербально/невербально зафиксированного сообщения сквозь призму интерпретационного процесса в сознании субъекта. Данный процесс восприятия любой информации, передаваемой посредством коммуниканта, основывается на переживании, введении определенных нарративных практик любого социального субъекта в осознание его собственной Я-реальности и ее взаимодействия с окружающим социальным миром.

Фундаментальной основой симулякра можно считать его многофункциональность, отличие от копии, которой он обязан своим происхождением. Процесс наложения одной копии на другую выводит абсолютно новый понятийный объект в новую реальность для одних социальных субъектов, в то же самое время являясь пережитой другими субъектами того же самого сообщества. Любая копия интерпретируется всеми членами интеракции в зависимости от того, насколько значимой для реципиента была возможность принятия инвариантной нарративности того или иного дискурса в собственном прошлом опыте.

Рассмотрим, к примеру, нарративный конструкт условно открытого вербального типа.

«- Я ведь вот уверен, что тебя кто-нибудь обидел и скорей перед тобой виноваты, чем ты перед ними. Я ведь ничего из твоей истории не знаю, но такая девушка, как ты, верно, не с охоты своей сюда попадет ...
- Какая такая я девушка? – прошептала она едва слышно; но я расслышал.
- Черт возьми, да я лгу. Это гадко. А может, и хорошо... Она молчала» [4, с. 123].

Рассмотрим данное льстивое обращение с точки зрения создания коммуникатором новых условий Я-реальности существования коммуниканта. Следует отметить тот факт, что коммуникатор выказывает уважение, сочувствие и понимание объекту лести: «Я ведь вот уверен, что тебя кто-нибудь обидел и скорей перед тобой виноваты, чем ты перед ними. Я ведь ничего из твоей истории не знаю, но такая девушка, как ты, верно, не с охоты своей сюда попадет...» Данный, подтвержденный интерактантом факт, в свою очередь, предлагает интерактанту представить себя в мире реально отражаемого процесса в качестве полноправного члена в рамках новой реальности. Поясним: подтверждение данного факта производится интерактантом на принципах авторитета и эффекта эмпатии при помощи использования сверх уважительного отношения и создания из объекта лести образа-жертвы. Соответственно, в нарративных практиках субъекта должна быть заложена ассоциативная точка отправления, которой, в свою очередь, может стать первое интерпретационное взаимодействие интерактанта с данным льстивым обращением.

В том случае, если объект лести поверит в искренность и правдивость слов манипулятора, т.е. сказанное польстит его самолюбию, он получит удовольствие, где его внешней реакцией будет выказывание расположения к адресанту, а тот (инициатор лести), в свою очередь сможет получить желанную выгоду и его намеренная цель будет достигнута.

Соответственно, мы можем говорить о том, что, в случае неуспешного завершения для интерактанта коммуникативно-социального акта взаимодействия, он будет искать наиболее подходящие нарративные конструкты языковых средств дискурса лести для использования в данном определенном случае коммуникативной интеракции.

Резюмируя всё вышесказанное, можно утверждать, что один из важнейших сегментов дискурса лести, которым, несомненно, является льстивое обращение как таковое, становится не только трансформатором идеи восприятия и манипулирования, но также и его непосредственным объектом.

Список литературы

1. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. Изд-е 2-е, испр. М.: Языки русской культуры, 1999. 816 с.
2. Бодрийяр Ж. Забыть Фуко / пер. с фр. Д. Калугин; вст. ст. Б. В. Марков СПб.: Владимир Даль, 2000. 90 с.
3. Бодрийяр Ж. К критике политической экономии знака / пер. с фр. Д. Кралечкин. М.: Академический проект, 2007. 335 с.
4. Достоевский Ф. М. Записки из подполья. М.: Азбука, 2011. 256 с.

SIMULACRA AS FUNDAMENTAL FACTOR OF INTERACTANTS INTERACTION IN FLATTERY DISCOURSE

Nadezhda Yur'evna Gutareva, Ph. D. in Pedagogy
Department of Foreign Languages in Sphere of Natural Resources
National Research Tomsk Polytechnic University
gutarevanadezhda@mail.ru

The author reveals the content of the notion "simulacrum" and its correlation with the flattery discourse in the process of interaction, and pays special attention to the fact that language messages may be considered diametrically oppositely in terms of sense and logic, depending on the past experience of an interaction subject and other individual characteristics of information perception and reflection.

Key words and phrases: sense expansion; communicative-socially significant space; initiator of flattery; addresser; consumerist society.